

Получив твердое обещание Хана Сиэня прийти на пир, Цзи Ло удалился. Впрочем, сцена, свидетелем которой он только что стал — близость между хозяином поместья и Бай Шу, — явно не давала ему покоя. Уходил он неохотно, то и дело мешкая и оглядываясь, пока под бесстрастным, холодным взглядом Хана Сиэня наконец не покинул двор окончательно.

Стоило Цзи Ло уйти, как через забор ловко перемахнул Бай Шу. На самом деле он никуда и не думал уходить: его обещание купить новые повести было лишь отговоркой. Всё это время юноша стоял у самой стены, чутко ловя каждое слово разговора Хана Сиэня с гостем.

Юноша вовсе не стремился подслушать чужие секреты — ему просто хотелось быть ближе к Хану Сиэню. Разумеется, говорить об этом вслух он не собирался, боясь вызвать неловкость или недопонимание. Подавив смущение, Бай Шу неловко почесал затылок и проговорил:

— Тех повестей, что мне по душе, больше не осталось в лавке.

Хан Сиэнь кивнул и со спокойным равнодушием отозвался:

— Раз раскупили, купишь в следующий раз. Какая разница.

Бай Шу облегченно выдохнул. Хан Сиэнь едва заметно усмехнулся, но мимолетная улыбка растаяла так быстро, что юноша ничего не заметил.

В день, когда посланники Сижуну прибыли в столицу, город гудел пуще прежнего. Чиновникам Министерства ритуалов велели торжественно встретить гостей, и на главных улицах собралось невиданное множество людей. Если благородные семьи ещё хранили приличия, стараясь держать лицо, то простолюдины себя не сдерживали. Всем хотелось воочию увидеть тех самых варваров из Сижуну, что ещё недавно бесчинствовали у западных границ.

После их приезда император не стал устраивать аудиенцию в тот же день, равно как и давать пир в их честь. Послов намеренно заставили ждать: Сын Неба Великой Чжоу дорожил величием престола, показывая, что его благосклонность и внимание нужно заслужить.

Послы Сижуну прекрасно понимали своё шаткое положение, а потому поспешили преподнести щедрые дары Министру ритуалов, умоляя замолвить за них словечко перед государем. Чиновник подарки принял, но в тот же миг обо всём доложил императору. Вовсе не из-за излишней честности — просто сейчас к сижунцам было приковано всеобщее внимание. Раз уж император заставил их томиться в ожидании, они неизбежно бросились бы искать заступников среди вельмож, и Министр ритуалов не собирался глупо подставляться под удар, давая врагам повод для доноса.

Иноземцы и сами всё понимали, но иного выбора у них не оставалось. Они вели себя тише воды, ниже травы, ежедневно докучая Министру ритуалов в тщетных попытках добиться скорейшего приёма у государя.

Лишь спустя полмесяца император наконец сменил гнев на милость. Приняв чужеземцев при дворе и забрав привезённые ими золото и серебро, тем же вечером он устроил в честь гостей из Сижун торжественный приём в Зале Празднования и Гармонии.

Хан Сиэнь, как и обещал Цзи Ло, явился на пир. Поскольку он носил титул маркиза Вечного Покоя, его место находилось сразу за Первым принцем Цзи Фанем, во главе всех членов императорского рода. По сути, среди придворных он сидел ближе всех к трону.

Появившись в зале, император первым делом недовольно зыркнул на Хана Сиэня, считая, что тот слишком уж набивает себе цену, однако высказывать это вслух не стал. Едва Сын Неба занял трон, присутствующие склонились в церемонном поклоне. Когда вельможи поднялись и расселись по местам, евнух Юань Бао зычно провозгласил:

— Призвать послов Сижун предстать перед Его Величеством!

Само это повелительное слово наглядно демонстрировало отношение Великой Чжоу: Сижун здесь считали не равным государством, а послушным вассалом.

Все присутствующие обратили взоры к массивным дверям. Посланников Сижун вели за собой Четвёртый принц Хуань Шоу и Пятая принцесса Дая. Если имя принца не отличалось ничем примечательным, то имя Даи на языке сижунцев означало «прекрасный цветок».

Хуань Шоу выглядел на редкость невзрачно: щуплый, малорослый, с вечно бегающим, робким взглядом. По его забитому виду сразу можно было распознать человека, выросшего в немилости. Пятая принцесса Дая, напротив, блистала ослепительной красотой и держалась вызывающе гордо. Идущие следом сановники выказывали ей куда больше почтения, нежели Четвёртому принцу, что позволяло без труда определить, кто из них имеет вес при дворе Сижун.

Совершив положенные поклоны и представившись, гости заняли свои места. Рассадка, подготовленная Министерством ритуалов, была с умыслом: сижунцев усадили ниже членов императорской семьи, но выше столичных сановников.

Когда условности были соблюдены, а Министр ритуалов произнёс положенные по этикету приветственные речи, пиршество началось. Под ярким светом светильников заиграли музыканты, а прекрасные танцовщицы в алых одеждах закружились в чарующем танце.

Впрочем, далеко не все гости увлечённо следили за представлением. Хан Сиэнь, один из немногих, оставался совершенно безучастен. Он сидел в расслабленной позе, небрежно опершись на край стола, и молча созерцал происходящее.

Пока Хуань Шоу сидел со смиренно опущенной головой, несмело притрагиваясь к яствам и лишь по настоянию соседей пригубливая вино, принцесса Дая оглядывала зал с нескрываемым вызовом. Она бесцеремонно разглядывала лица членов императорской семьи: её взор скользнул от Наследного принца Цзи Ло до Цзи Юэ, наследника уездного князя Юна. Впрочем,

ни на ком из них она долго не задерживалась.

Все понимали: принцессе суждено остаться в Великой Чжоу. Единственной участью для заложницы благородных кровей был династический брак, и вельможи гадали, какому дому в итоге достанется сижунская красавица.

Правда, не каждый жаждал заполучить подобный удел. Цзи Ло, к примеру, и думать не желал о навязанной невесте, да и Цзи Юэ об этом даже не помышлял. Мало того что у них с Хан Минчжу всё складывалось на редкость благополучно, так ещё и шурином его был Хан Сиэнь. Связываться со столь грозным родственником и приводить в дом чужачку наследник уездного князя Юна точно не рискнул бы.

Именно поэтому, даже когда Хан Минчжу забеременела, её свекровь не решилась приставить к молодому супругу служанок для утех.

Заметив, что внимание гостей рассеивается, император взмахом руки велел музыкантам утихнуть, а затем с лёгкой усмешкой обратился к Дае:

— Принцесса Дая, вы так пристально всех разглядываете. Неужели кто-то приглянулся вашему взору?

Дая не стала жеманничать. Выслушав государя, она поднялась со своего места и прямо заявила:

— Ваше Величество, если мне и впрямь кто-то приглянулся, соблаговолит ли Его Величество исполнить моё желание?

Дочери знатных родов Великой Чжоу в подобных делах всегда блюли строгую скромность, и император впервые видел столь обескураживающую прямоту. Сделав глоток вина, чтобы скрыть удивление, он мягко проговорил:

— Что ж, принцесса, назовите имя, а я погляжу, кому улыбнулась столь редкая удача.

Государь умышленно не давал согласия заранее, оставляя себе пространство для маневра.

На лице Даи промелькнула горделивая усмешка. Она произнесла:

— Ваше Величество, мой отец всегда говаривал, что Дая — лучшая из его дочерей. А значит, и супругом моим должен стать лишь тот, кто превосходит остальных. Среди ваших подданных немало достойных мужей, но лучший из них — вон тот господин. Если Его Величество соблаговолит узаконить этот союз, я охотно стану его женой.

Принцесса вытянула руку, указывая в сторону мест, отведённых для императорского рода.

Цзи Юэ сперва похолодел, решив, что гроза собирается над его головой. Однако, поспешно

подавшись в сторону, он с облегчением понял, что палец принцессы нацелен гораздо ближе к трону. Проследив за её жестом, все присутствующие уставились на Хана Сиэня — тот как ни в чём не бывало продолжал неторопливо ужинать.

Под прицелом сотен недоуменных взглядов Хан Сиэнь невозмутимо прожевал очередной кусок, запил его глотком бульона, не торопясь вытер губы шелковым платком и лишь тогда соизволил посмотреть на чужеземку.

Для императора выбор принцессы тоже стал полной неожиданностью. Он-то полагал, что сижунка нацелилась на Цзи Ло — без пяти минут правителя Великой Чжоу, чей союз принёс бы её родине огромную выгоду. Хотя Наследный принц заранее твёрдо отказался от подобной участи и сумел убедить в этом отца, государь всё равно ломал голову, как поприличнее отказать гостью, если та заговорит о браке. Оказалось, его собственный сын девице даром не нужен.

Государь сделал ещё один глоток, и в его голосе, к удивлению придворных, проскользнули ревнивые нотки:

— С чего вдруг принцесса Дая обвела взором моих сыновей ради маркиза Вечного Покоя? Неужели маркиз кажется вам более достойным мужем, нежели наследники императора?

Заметив, что Хан Сиэнь наконец смотрит на неё, Дая опустила руку и прямо встретила его взгляд. На её лице расцвела ослепительная, дерзкая улыбка:

— Вовсе нет, сыновья Вашего Величества прекрасны. Однако я привыкла выбирать только лучшее. А этот господин в моих глазах превосходит всех.

Будь на месте государя и Наследного принца люди тщеславные и мнительные, подобные речи тотчас посеяли бы между ними и Ханом Сиэнем зёрна раздора. К счастью, ни тот, ни другой мелочностью не отличались.

Император перевёл взгляд на невозмутимого маркиза:

— Что скажет на это сам виновник торжества?

— Ваше Величество, принцесса Дая — особа слишком благородных кровей. Этот ничтожный слуга не смеет претендовать на столь высокую честь, — с безупречной вежливостью отозвался Хан Сиэнь.

«Знай я заранее, какими глупостями обернётся этот пир, остался бы дома», — раздраженно подумал он.

Он пришёл на приём лишь ради того, чтобы выведать истинные помыслы послов Сижуну и вовремя предостеречь Цзи Ло, но никак не думал, что сам окажется втянут в эти брачные игры.

И дело было вовсе не в том, что он не знал, как выпутаться из щекотливого положения. Просто раз уж он решил связать жизнь с Бай Шу, лишние слухи и пересуды в доме ему были ни к чему.

Столь скорый и решительный отказ озадачил придворных, но в то же время вполне укладывался в рамки разумного.

Император рассудил, что маркизу просто не по вкусу дикарки из чужих краев. Сановники же вовсю перемигивались, припоминая скандальные слухи об отношениях Хана Сиэня и инструктора Бая — после подобных пересудов ждать от него интереса к принцессе и вовсе не приходилось.

Император с довольной улыбкой посмотрел на Даю:

— Как видите, принцесса, маркиз Вечного Покоя — партия неподходящая. Присмотритесь к кому-нибудь другому, и я охотно исполню ваше желание.

Принцесса проигнорировала слова государя. Не сводя глаз с Хана Сиэня, она спросила:

— Но почему? Неужели я кажусь тебе недостаточно хорошей?

Хан Сиэнь мягко усмехнулся:

— Принцесса меня совсем не знает. К чему же выбирать в супруги первого встречного? Что во мне примечательного?

— Ты красив лицом, — подумав мгновение, без лишних прикрас ответила принцесса.

Её непосредственность и прямота невольно заставили Хана Сиэня вспомнить о Бай Шу. Дая, избалованная отцовской любовью, сохранила крупичку простодушия. И хотя она покинула родные степи ради блага Сижунa, в ней не чувствовалось столичного коварства.

Перед отъездом отец лишь велел ей жить в Великой Чжоу в своё удовольствие, не обременяя строгими приказами плести заговоры во благо Сижунa. Но простодушие вовсе не означало глупость — напротив, Дая подмечала многое.

Цзи Ло руководил разгромом Сижунa, так что брак с ним исключался изначально. Прочие вельможи не вызывали у неё интереса, а вот имя Хана Сиэня было на слуху. К тому же он пользовался благосклонностью императора, выделялся статью, а на сомнительные слухи, ходившие о нём в столице, принцессе степей было плевать.

По всему выходило, что маркиз Вечного Покоя был для неё едва ли не лучшим выбором.

На столь обезоруживающее признание Хан Сиэнь лишь снисходительно улыбнулся. Он не

спеша наполнил кубок, осушил его одним глотком и негромко заметил:

— Красотой сыт не будешь.

Дая явно впервые слышала нечто подобное, а потому растерянно замерла.

Поставив кубок на стол, Хан Сиэнь вновь одарил принцессу мягкой улыбкой:

— Если вам непременно нужен веский довод, то извольте: моё сердце уже отдано другому. И этот человек — мужчина. А потому я вынужден отклонить столь лестное предложение.

В зале воцарилась гробовая тишина. Дая, осознав смысл услышанного, застыла в крайнем изумлении. Цзи Ло, глядя на подозрительный румянец на лице маркиза, невольно подумал:

«Неужели умудрился захмелеть?»

Впрочем, не он один — все присутствующие вельможи единодушно решили, что Хан Сиэнь изрядно перебрал с вином.

Разумеется, подобные увлечения в столице не были редкостью, однако вельможи предавались им тайно, за плотно закрытыми дверями. Кому пришло бы в голову объявлять о таком прилюдно, да ещё на глазах у Сына Неба? С другой стороны, раз уж признание прозвучало из уст Хана Сиэня, удивляться не приходилось. И всё же лица присутствующих вытянулись в весьма причудливых гримасах.

Лицо императора помрачнело.

— Маркиз Вечного Покоя всегда отличался слабым здоровьем, — холодно процедил он. — Похоже, хмельной угар затуманил ему разум, раз он несёт подобный вздор.

Сановники тотчас закивали, угодливо вторя государю и наперебой твердя, что маркиз действительно пьян без памяти.

Цзи Ло перевёл взгляд на Хана Сиэня, а затем поднялся с места и обратился к государю:

— Отец-император, раз уж маркиз Вечного Покоя не рассчитал сил, соблаговолите отпустить его домой на покой.

Император взглянул на раскрасневшегося маркиза и согласно кивком разрешил покинуть зал.

Пожалуй, Хан Сиэнь стал первым в истории сановником, которого Сын Неба лично объявил пьяным прямо посреди торжественного приёма и повелел выпроводить восвояси.

Маркиза доставили в поместье под надзором дворцовых слуг и гвардейцев. Когда повозка въехала во двор поместья маркиза Вечного Покоя, Бай Шу как раз упражнялся с мечом. Он полагал, что хозяин вернётся лишь под утро, и никак не ожидал увидеть его столь рано.

Услышав от провожатых, что Хан Сиэнь пьян, юноша досадно нахмурился. Сдержанно поблагодарив слуг, он подхватил маркиза под руку и повёл в спальню, так и не заметив, какими странными, изучающими взглядами провожали его уходящие евнухи.

<http://bllate.org/book/20088/2002116>